ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

E-mail: Y-vedeneev@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках юбилея со дня рождения выдающегося правоведа и педагога Е. В. Васьковского (1866—1942 гг.), оставившего непреходящее научное наследие в области гражданского права и теории толкования права. Представленный материал является продолжением научной дискуссии, касающейся современных тенденций в области правотворчества и правоприменения. Понимание интерпретации права в широком контексте социокультурных и нормативных практик юридической организации социальных отношений позволяет уйти от элементарных юридико-технических представлений о данном процессе разъяснения содержания нормативных правовых актов. Ключевые вопросы статьи вращаются вокруг различения формально-догматических версий толкования права и понимания интерпретации права как системы культурно-исторических топик, разрабатываемых в логиках определенных юридических картин мира отдельных исторических эпох существования и развития права.

Ключевые слова: толкование права, правовая герменевтика, логико-языковые феномены, юридический текст, юридический дискурс, юридический язык, социальные и культурные коммуникации, культурно-историческая юриспруденция, юридическая картина мира.

INTERPRETATION OF LAW AS A CULTURAL HISTORICAL PHENOMENON

Yu. A. VEDENEEV, professor of the Kutafin Moscow State Law University, doctor of legal sciences

9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 123995

E-mail: Y-vedeneev@yandex.ru

The article is written for the purpose of the anniversary of outstanding jurist and pedagogue Ye. V. Vaskovskiy (1866—1942), who left behind legacy in the sphere of civil law and the theory of interpretation of law. The presented material is the continuation of the scientific discussion about modern trends in the sphere of law making and law enforcement. Understanding of interpretation of law in the broad context of social cultural and regulatory practice of legal organization of social relations allows abandoning elementary juridical-technical concepts about the process of interpretation of the regulatory enactments content. The article's key issues center around differentiation between formal dogmatic versions of interpretation of law and understanding of interpretation of law as the system of cultural-historical topics, developed in the logic of specific juridical world views of individual historical eras of law existence and development.

Keywords: interpretation of law, legal hermeneutics, logical-linguistic phenomena, legal text, juridical discussion, legal language, social and cultural communications, cultural historical jurisprudence, juridical world view.

DOI: 10.12737/20570

Постановка вопроса. Интерпретации права — универсальная тема и проблема классической юриспруденции, имеющая развитую историческую традицию исследования и применения юридических техник определения нормативных границ организации и регулирования социальных отношений. Литература, связанная с этим вопросом, вклю-

чает широкий диапазон разнообразных подходов к пониманию данной исторической формы объективации и осуществления права¹.

¹ См.: Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII века. Харьков, 1862; Муромцев С. А. Что такое дог-

Историческая и современная палитра интерпретационных концепций и техник касается как глубинных, так и ситуативных форм социального общения в различных культурах их проявления — от формальных и прагматических версий описания и объяснения различных исторических практик реализации и применения языка и религии до сложных философских систем выявления действительного значения и смысла, заложенного в различные культурные тексты, составляющие предмет интерпретации²; от конструирования сложных герменевтических (дискурсивных) топик в отдельных сферах социально-гуманитарного знания³ до элементарных конвенциональных форм нормативной оценки границ социального общения.

Различие в подходах к пониманию данного явления, рассматриваемое в контексте как формальных техник толкования права, так и правовой герменевтики, аналогично различию в подходах к изучению онтологических и культурно-исторических оснований человеческой жизни и повседневных практик человеческого существования. Природа этого различия такая же, как и различие между богословием и религоведением или различие между онтологией веры и концептуализацией веры, т. е. между внутренним переживанием бога и формальной логикой описания и объяснения исторической потребности присутствия бога в культурном сознании и церковно-обрядовой практике.

Право и религия — исторически рядоположенные социальные категории и социокультурные институты. Правовая реальность, так же как и религиозная, включает в себе социальные (фактические)

и трансцендентальные (метафизические и символические) основания и условия собственного развития и воспроизводства. Это одновременно юридический концепт и юридический конструкт, мысленный образ и символ должного порядка отношений, итог культурно-исторических и нормативных практик реального воплощения права в процессах социального общения. Одно предполагает и определяет другое, и наоборот.

Правовая норма — минимальная часть того, что составляет реальность права, его действительного содержания и исторических форм юридической репрезентации. Интерпретации права не сводятся к реконструкции формальных и политических предпосылок и условий производства, реализации и применения правил поведения в социальной практике. Их предназначение выходит за рамки аксиоматических определений формально-должного, заключенного в текстах нормативных правовых актов и иных санкционированных источников права. Формальное толкование — категория низкой критики процесса правоприменения, определяемой коллизией норм права. Природа интерпретации права качественно иная. Ее топика формируется культурно-историческим контекстом и системой ценностных оснований социального общения. Ее предмет определяется коллизией правовых ценностей и формальных норм, внешнего права, или права нормативных правовых актов, и внутреннего права, или права социального общения.

Существование и осуществление права подчиняются нормативной логике социокультуры данного исторического места и времени. Действительный правопорядок определяется не только и не столько официально принятыми решениями субъектов, обладающих собственными компетенциями на производство правовых норм и их применение. Государство легализует с той или иной степенью формальной полноты и адекватности то, что уже дано или заключено в нормативной структуре самого процесса социального общения. Позитивное право позитивно лишь в той мере, в какой оно адекватно нормативной природе самих социальных институтов как предметов формально-правового регулирования⁴. В этом смысле позитивное право — это право, санкционированное социокультурой общества, в юридических онтологиях, символах и определениях которого оно выработано и реально действует. Нормативная грамматика социального порядка определяет формальный правопорядок.

Общая проблема толкования права заключается в том, что, прежде чем интерпретировать юридиче-

ма права? М., 1885; Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002; Завадский А. В. К учению о толковании и применении гражданских законов. М., 2008; Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983; Малиновская Н. В. Интерпретация в праве: монография. М., 2011; Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012; Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.

² См.: Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004; Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011; Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988; Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002; Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000; Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.

³ См.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994; Десницкий А. Введение в библейскую экзегетику. М., 2011; Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2007; Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; Эко У. От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016.

⁴ См.: Гримм Д. Соотношения между юридическим институтом и конкретным отношением // Сб. ст. по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Г. Ф. Шершеневича. М., 2005. С. 303—323.

ский текст, его нужно прочесть, а чтобы прочитать юридический текст, его нужно написать. Проблема состоит в том, что, во-первых, создателями, потребителями и толкователями юридического текста являются различные социальные и культурные субъекты правового общения, обладающие собственными (т. е. не тождественными) юридическими картинами мира, в границах которых оценивается, а значит, и существует право. Во-вторых, как следствие, языки интерпретации юридического текста, прочтения текста и написания текста по определению не совпадают. Их носители представляют различные культурные и лингвистические общности, т. е. говорят и понимают право в различных (собственных) культурных традициях и практиках языкового общения.

Отсюда, собственно, и проистекают всевозможные правовые коллизии и аллюзии возможности получения действительно достоверного и объективного знания о предмете и границах толкования права. Отсюда вытекает и другой вопрос темы, выносимой на обсуждение: возможно ли вообще достижение подобной цели в реальной юридической практике?⁵ Видимо, только при условии низведения всего культурно-исторического разнообразия реальности права к формальным нормам-дефинициям, что, собственно, и составляет Ветхий завет и предмет общепринятой юридической догматики и аксиоматики.

Интерпретации права, как правило, отождествляются с толкованием содержания юридических текстов. Что такое юридический текст в различных версиях понимания права? Это логико-языковой феномен или культурный факт социальной и символической коммуникации? Данный вопрос имеет принципиальное значение в определении исторических форм и методов интерпретации права.

Интерпретации права — одновременно юридический и культурно-исторический феномен, процесс и институт. Интерпретации права предполагают использование широкой номенклатуры техник определения его ценностно-нормативного содержания. Особое место в общей системе инструментов толкования права имеют юридический язык и дискурсивные практики его применения. Юридический язык и юридический дискурс — составные элементы юридической картины мира в каждой исторической эпохе существования права. В системе юридических картин мира даются ответы на сакраментальный вопрос: что есть право?

В этом отношении интерпретации права как системы культурно-исторических практик и ее результатов есть не что иное, как форма проявления и репрезентации определенных юридических картин мира или систем социально-правовых ценностей. Процесс интерпретации права протекает в рамочных границах

правопонимания. Каждой версии понимания права корреспондируют свои проблематика, концепции и аналитический язык описания и объяснения правовых явлений. Соответственно, каждая версия понимания права вырабатывает собственную интерпретативную технику (логику и грамматику) рассуждения о праве, его онтологических основаниях, границах и формах нормативности права и обладает ею.

Наконец, интерпретация права — это исследовательский процесс. В этом качестве она является составной частью юридической науки и образует определенный исторический формат ее концептуального и практического существования. Определение структурных элементов и междисциплинарных связей данного корпуса юридических проблем и исследовательских тем в общей системе юридической науки составляет существенную часть ее онтологии и эпистемологии. Концептуализация права — такая же составная часть процесса правообразования, как и институционализация права.

Отсюда, собственно, и вытекают три ключевые темы теории интерпретации права: *природа юридического текста* как универсальной формы реальности права и предмета интерпретации права; *юридическая картина мира* как социокультурное основание и среда бытования различных дискурсивных практик интерпретации права; *предмет и система интерпретации права* как института социальной и культурной коммуникации и составной части теории и методологии юридической науки.

К вопросу понимания категории «юридический текст» и интерпретация права. Юридический текст — универсальная форма объективации права в различных культурно-исторических контекстах его существования и проявления. Это и устное, и письменное право, это совокупность юридических жестов и знаково-символических систем, юридический ритуал и процедура. Факт существования юридического текста определяется пересечением онтологических, аксиологических, эпистемологических и прагматических оснований права — социально-правовых коммуникаций и переживаний права; правовых идей и ценностей; правовых понятий и определений; правовых конструкций и фикций. Категория «юридический текст» включает в себе все возможные аспекты юридического отношения к действительности — внешнюю среду обитания права, или его культурно-исторический контекст и внутренние глубинные проявления нормативности сущего, или метаправо. В этом плане юридический текст — это одновременно юридический концепт и конструкт, образ и символ должного или недолжного порядка социального общения.

Юридический текст — производная социально-правовых коммуникаций, выраженная в системе определенного юридического языка каждой исторической эпохи существования права. Но это также демонстрация конкретно-исторической дискурсивной

⁵ См.: Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2015.

практики рассуждения о нормативных границах, юридических гарантиях и ограничениях различных форм социального общения — экономических, политических, культурных. Любой юридический текст в его ментальной, вербальной, концептуальной или институциональной форме является результатом общественного консенсуса или конфликта в рамках признанных данным обществом представлений о должном или недолжном, правильном или неправильном поведении в практиках социального общения. А это уже предмет различных культурно-исторических практик и конкурирующих юридических техник интерпретации права.

Система интерпретации права одновременно контекстуальна и конвенциональна. В границах совмещения контекстуальных и конвенциональных оснований и условий производства и воспроизводства права определяются его юридическое содержание и структура. Интерпретации права протекают в пространстве между формально-догматическим значением явления и его культурно-историческим смыслом⁶. Отсюда, собственно, и складываются две базовые стратегии в интерпретации права — формально-догматический и ценностный подход, две практики ее концептуализации — формально-догматическая и культурно-историческая юриспруденция, две системы нормативности права — формальная и социокультурная (ценностно-символическая).

Каждая версия интерпретации права характеризуется своей философией понимания природы права, своей техникой интерпретации права, своими классическими текстами, определяющими ее логику и аргументацию, своим юридическим языком и юридическим дискурсом.

Для отечественной правовой науки имя Е. В. Васильковского является эталоном формально-догматической топики толкования права. Ключевые подходы и определения догматической техники толкования права были изложены в работе «Учение о толкова-

нии и применении гражданских законов», опубликованной в 1901 г.⁷

Дальнейшее развитие проблемы толкования права в ее формально-догматическом варианте нашло свое логическое продолжение в трудах советских правоведов⁸. Для постсоветской юриспруденции концептуальным завершением данного подхода является исследование, представленное в монографии Н. А. Власенко «Язык права»⁹.

Культурно-историческая топка толкования права в базовых определениях была заложена в работе англоязычного культуролога и антрополога Клиффорда Гирца «Интерпретация культур»¹⁰, в которой рабочая концепция интерпретативной теории культур была сформулирована уже в самом наименовании главы первой монографии «В поисках насыщенного описания...». *Насыщенное описание* — одновременно метафора и метафизика понимания феномена «культура», в том числе такой структурной составляющей исторического процесса развития и интерпретации культуры, как право. Право как функция множества переменных — социальных интересов, политических решений и ценностных представлений — в своих концептуальных и практических измерениях может быть предметом только кросскультурных определений и интерпретаций, не ограниченных формальным толкованием одной из исторических форм его проявления и объективации — письменного юридического текста. Язык юридического текста не ограничивается его формальным словарем, используемым в процессе его подготовки и выраженным в системе санкционированных нормативных определений — норм-дефиниций. Юридический язык — это и способ мышления, и система ценностей, и образ мира, заключающие в себе настоящее и будущее право, его действительную форму и содержание в ретроспективной и перспективной онтологии и эпистемологии существования и развития права.

⁷ См.: Ученые записки Императорского Новороссийского университета. 1901. Т. 84. С. 1—398. Элементарная догматика толкования права в последующем была представлена в работе: Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М., 1913. Продвинутой вариант проблематики толкования права был изложен в монографии: Теория толкования гражданского права. Очерк методологии цивилистической догматики. Варшава, 1936.

⁸ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.

⁹ Хотя работа была опубликована в 1979 г., ее переиздание в 2015 г. логически и исторически является пролонгацией догматической топики толкования права (см.: Власенко Н. А. Избранное. М., 2015).

¹⁰ См.: Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004; Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост) Феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. М., 2014. С. 63—99.

⁶ Различение категорий «значение» и «смысл» явлений — вечная тема и проблема философии. В отечественной литературе она нашла свое феноменологическое определение в работах Г. Шпета «Явление и смысл» (1914), «Герменевтика и ее проблемы» (1918), «Язык и смысл» (1922) (см.: Шпет Г. Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005). Интерпретации права с позиций его значения и смысла позволяют провести четкую демаркационную линию между практико-ориентированным толкованием норм права и выявлением потенциальных возможностей развития, заключенных в различных культурно-исторических формах существования и репрезентации права. Если правовая герменевтика (в системе ее языка и аргументации) расширяет границы понимания реальности права, то позитивная юриспруденция (в системе ее определений и аксиоматики) только фиксирует условия и границы догматического содержания права (см.: Сулов Б. В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6).

Насыщенное описание проблемы соотношения толкования и интерпретации права предполагает поливариантное разграничение этих двух способов существования и воспроизводства права — формального и социокультурного. Формально-догматическая юриспруденция ограничивается простым различением двух классических форм толкования права — уяснения догматического содержания позитивного права и разъяснения формальных оснований и условий реализации и применения норм объективного права. Интерпретация права — это не только и не столько составная часть юридического процесса, но и прием юридической техники. Это сложное культурно-историческое явление и категория. Интерпретация права обладает двойственной природой. С одной стороны, это элемент механизма правообразования (формирования и развития права) и правового регулирования (реализации и применения права), с другой стороны, это элемент систем социальной и культурной (знаково-символической) коммуникации.

Интерпретация права как универсальный культурно-юридический процесс обеспечивает такие фундаментальные практики развития права: рецепцию права (*социокультурное освоение чужого права*); распространение своего права (*культурно-исторический транзит*); модернизацию права (*ценностно-смысловую трансформацию*). В этом смысле интерпретация права понимается в качестве универсальной культурно-исторической функции и процедуры воспроизводства правовой системы. Это своего рода механизм *саморазвития* права, его онтологии и аксиологии.

Интерпретация права — это не только и не столько функция, прием, стадия юридического процесса, это сквозная базовая составляющая механизма ценностно-правового регулирования, своего рода инфраструктура исторического, концептуального и практического *самоопределения* права. Интерпретация права охватывает своим воздействием как доктринальные и политические, так и формальные и догматические основания процессов правотворчества и правоприменения. В этом аспекте своего бытования интерпретация права составляет предмет и антропологии, и социологии права, и, что шире, предмет культурно-исторической юриспруденции. Наконец, самое главное — интерпретация права является одновременно и юридической, и культурно-исторической *критикой* наличного правопорядка.

Особую роль в практиках интерпретации права играет научное и доктринальное правосознание профессионального юридического сообщества. Для отдельных исторических правовых традиций (иудаизма, исламской религиозно-правовой практики) доктринальное правосознание квалифицируется в качестве источника права.

Интерпретация права в качестве культурно-исторического и юридического феномена, категории и института является предметом научной рефлексии

в отношении различных аспектов и форм своего присутствия и воздействия на практики социального общения. Именно с этим эпистемологическим фактом связано формирование в составе юридического знания особой отрасли — правовой герменевтики. Правовая герменевтика — своего рода самосознание права. Ее предмет — понимание смысла и значения культурных ценностей и представлений о праве для существования самого права. Это система рассуждений об условиях и границах социальной, культурной и правовой коммуникации, т. е. дискурсивные практики и их воздействие на процессы правообразования и правоприменения.

Если принять во внимание то, что юридический дискурс существует в определенном культурно-историческом контексте и меняется вместе с ним, то отсюда проистекают и изменения в самой топике — логике и технике рассуждения и интерпретации права. Новая топика рассуждения о праве или интерпретации права образует и новое правопонимание (новый взгляд на право и новые подходы к праву), и, как следствие, новое право. Правовая реальность обладает собственной внутренней логикой развития, заключенной в логике рефлексии на предмет самое себя, самоопределения своего человеческого смысла и культурно-исторического и символического значения.

Юридический дискурс и интерпретация права.

Право живет не в нормативных правовых актах, а в реальных практиках социального общения, т. е. системах социальных коммуникаций. Коммуникативная практика — это одновременно и дискурсивная практика, и практика ценностно мотивированного нормативного воздействия на поведение через механизм рассуждений о должном порядке социальных отношений и освоения представлений о должном самой практикой социального общения. Разумеется, рассуждать о праве и быть правом — не одно и то же. В этом аспекте проявления своей действительности юридический дискурс есть форма существования и репрезентации социальной власти, это система социокультурных ориентаций, установок и предпочтений, определяющих ценностно-нормативные границы социальных отношений.

Процесс интерпретации права объединяет в себе и процесс социальной коммуникации, и дискурсивный процесс, и власть коммуникации¹¹, и власть дискурса¹², образуя особый формат существования и проявления социальной власти, и власть юридической интерпретации, т. е. способности квалифицировать практики социального общения на предмет их соответствия или несоответствия культурно-историческим представлениям о нормативно-должном порядке социальных отношений, определять и

¹¹ См.: Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.

¹² См.: Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

переопределять формальные и неформальные основания их юридической организации. Конкретные формы юридического дискурса являются производными контекста исторического времени и исторического пространства существования права. В терминах марксистской эпистемологии — социально-экономического базиса и социокультурной надстройки. Иначе говоря, социальные и политические, культурные и когнитивные основания правового общения существуют и определяются дискурсивными практиками конкретных исторических эпох.

Юридический дискурс как акт ценностно-нормативной коммуникации и интерпретации является исторической категорией и представляет собой веер возможных культурных и когнитивных техник рассуждения о праве. Каждый вариант дискурсивной практики выражает, в свою очередь, уровень понимания нормативных границ социального общения конкретных обществ (традиционных и современных) с разными типами и формами социальной зависимости и стратификации — клановой и сетевой, кастовой и сословной, гражданской и олигархической. Границы и стандарты нормативности измеряются признаваемой и допускаемой мерой юридической свободы или несвободы социального общения как внутри, так и между социальными группами.

Дискурсивная практика не только отражает и оценивает право, но и производит право. Это одновременно и политический, и культурный, и аналитический процесс: процесс передачи и рецепции права, признания и отрицания своего и чужого права, легитимации и легализации права. Управление юридическим дискурсом есть управление производством и воспроизводством правовой реальности. Отсюда, собственно, и проистекает борьба за право контролировать системы юридического воспитания и образования, правовой социализации и коммуникации.

В этом отношении различные и конкурирующие версии понимания права (классические и неклассические, позитивистские и непозитивистские, догматические и критические) есть не что иное, как различные доктринально и концептуально ангажированные дискурсивные практики, обеспечивающие определенные топики и техники интерпретации и переинтерпретации права. Правовая власть существует и воспроизводит себя как власть правового дискурса и власть правовой интерпретации. Ее аксиоматика и догматика варьируют в диапазоне правовой экзегетики и правовой герменевтики или формального выведения нормативно-должного из заданного юридического текста и философского рассуждения о фундаментальных и метафизических основаниях и смыслах социального общения и признания его в качестве действительно правового.

Это уже предмет юридической картины мира, исторического места и времени. Именно в рамочных

определениях юридической картины мира протекает процесс интерпретации права и санкционируется полученный результат в нормативной логике культурно-исторической и формальной коммуникации¹³. Проблема состоит в том, что культурно-исторический процесс понимания и оценки наличного права и практика производства позитивного права обладают различными, зачастую асинхронными и асимметричными условиями своего существования, развития и изменения. Реальная практика их совмещения и сочетания в общем процессе социокультурного и формального общения и интерпретации права — предмет антропологии и социологии права, истории развития правовых институтов и правовых доктрин.

Правовое общение, в котором совмещаются интересы и ценности, правовые нормы и правовые идеи, социальные ожидания и переживания наличия или отсутствия права, — одновременно формальный и социокультурный процесс. Это производная конкретных социальных ситуаций, запросов и требований практики юридической организации отношений, накопленного опыта решения или нерешения тех или иных социальных и политических проблем. Это традиции и культура социального и правового поведения, определяемые цивилизационной принадлежностью того или иного общества и его правовой системы, историей становления, формирования и развития ее институциональной и нормативной подсистем, ее онтологии, аксиологии и эпистемологии.

Интерпретация права как составная и органическая часть процесса правообразования и правового регулирования социальных отношений отражает это разнообразие действительных и возможных оснований структуры и практики правового общения. Вырабатывая собственный инструментарий и техники производства и воспроизводства систем правового общения, интерпретационная практика последовательно раскрывает и демонстрирует свой внутренний потенциал формального и концептуального развития. Это находит выражение в формировании в ее собственной системе разноуровневых подходов и способов понимания, определения и толкования права, его концептуализации и институционализации. Правовая экзегетика и правовая герменевтика в этом отношении являются двумя полюсами теории и практики интерпретации права в его догматическом и социокультурном измерении — формального текста и культурно-исторического контекста.

Формирование двух аналитик интерпретации права в его догматическом и герменевтическом форматах определяется не только и не столько потребностью расширения инструментальной составляющей понимания

¹³ См.: Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012; Варламова Н. В. Правовые культуры: введение в сравнительное изучение // Вопросы правоведения. 2010. № 4.

и разъяснения права, это вопрос юридической онтологии, а не правовой прагматики или юридической техники реализации и применения права, это констатация очевидного факта: правовая реальность заключает в себе и профанное, и сакральное юридическое качество социального общения. Правовые коммуникации имеют культурное и символическое измерение: это и социокультурный институт, и юридический концепт действительности; это симбиоз высокого и низкого начал межличностных отношений в их повседневных практиках и метафизических определениях; это юридическое бытие между видимым и невидимым, материальным и символическим, нижним и верхним мирами, градом земным и градом небесным.

Именно религиозная традиция прочтения священных текстов, в своей онтологии заключающих юридическое начало, собственной исторической практикой демонстрирует наиболее разработанную аксиоматику и догматику определения буквального значения и понимания скрытого смысла права. Двойственный статус реальности, одновременно человеческой и божественной, выступающей в форме предписаний надлежащего поведения от рождения и до смерти, в полном объеме их содержания и форм представлен библейской экзегетикой в ее двух классических школах интерпретации библейских книг — антиохийской и александрийской. Традиция непрерывная и постоянно возобновляемая в различных культурно-исторических контекстах¹⁴.

Двум практикам — буквального толкования и внутреннего, ценностного понимания права корреспондируют две эпистемологии интерпретации юридического текста — закрытая и открытая. В чистом виде это внутреннее качество правил, приемов, способов интерпретации права демонстрируют позитивистски и непозитивистски ориентированная юриспруденция¹⁵, юриспруденция норм и юриспруденция ценностей.

Классическая школа понимания права представлена ограниченным и практически не меняющимся набором версий определения права. В жестком варианте аналитической юриспруденции содержание права задано самой терминологией юридического текста. Для аналитической юриспруденции правовая реальность устанавливается и определяется формальным языком, которым написаны юридические тексты. Каков язык юридического текста, такова и правовая реальность. Границы должного заключены в границах юридического словаря и грамматики. Поэтому в общей номенклатуре приемов анализа юридического текста существенное место занимают такие дисциплинарные системы, как текстология, лингвистический и литературно-риторический анализ.

Неклассические школы в различных версиях их собственного предмета и методологии дают настолько широкую картину правовой онтологии, что провоцируют поиски неких метафизических и аналитических синтезов уже не столько определений самого права, сколько определения своих общих концептуальных оснований, в частности в формате интегральной юриспруденции или постюриспруденции. Не касаясь отдельных версий понимания права и вырабатываемых в них логик интерпретации права, следует отметить, что в их общей системе наиболее близкой по своему предмету и содержанию рассматриваемой теме является именно правовая герменевтика, имеющая собственную развитую историческую традицию¹⁶.

Языки юридической интерпретации: экзегетика и герменевтика. Различие языков юридической экзегетики и герменевтики не онтологическое, а феноменологическое. Правовая реальность имеет множество проявлений своего действительного существования. Язык юридической экзегетики — это язык правовых норм, формальных правил, совмещающих в своей форме и содержании нормативные, логические и грамматические определения, это предмет классической, формально-догматической юриспруденции. Язык юридической герменевтики — язык представлений о праве, язык правовых концептов и символов, совмещающих метафизические и культурно-исторические основания нормативно-должного порядка социальных отношений, предмет философии и антропологии права.

Юридический язык при всем разнообразии возможных форм своего существования и воздействия на социальное (коллективное и индивидуальное) поведение представляет собой систему определений нормативных границ и условий социального общения. Языки позитивного права, императивный и диспозитивный языки конкретной правовой коммуникации в различных сочетаниях своих элементов — норм и ценностей, идей и представлений, юридических концептов и конструкций, заключают в себе неограниченный набор вариантов юридической организации социальных отношений. В структуре исторически заданного юридического языка взаимодействуют правовые категории и понятия, правовые идеи и ценности, совмещаются языки теоретической и практической юриспруденции.

Юридический язык при всем разнообразии возможных форм своего существования и воздействия на социальное (коллективное и индивидуальное) поведение представляет собой систему определений нормативных границ и условий социального общения. Языки позитивного права, императивный и диспозитивный языки конкретной правовой коммуникации в различных сочетаниях своих элементов — норм и ценностей, идей и представлений, юридических концептов и конструкций, заключают в себе неограниченный набор вариантов юридической организации социальных отношений. В структуре исторически заданного юридического языка взаимодействуют правовые категории и понятия, правовые идеи и ценности, совмещаются языки теоретической и практической юриспруденции.

Вместе с тем следует различать язык практического существования права и язык теоретического определения права. Это взаимозависимые, но не тождественные категории. Их различение — это,

¹⁴ См.: Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011.

¹⁵ См.: Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; Варламова Н. В. Тип правопонимания как теоретическая парадигма интерпретации права // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008.

¹⁶ См.: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002; Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. СПб., 2015; Современное правопонимание: курс лекций. М., 2016.

во-первых, различие онтологических и эпистемологических оснований права, права как социально-нормативного факта и права как юридического понятия, во-вторых, различие процессов институционализации и концептуализации права, в совокупности обеспечивающих развитие и воспроизводство правовых систем конкретных исторических сообществ.

По существу, каждая правовая система обладает собственным юридическим языком описания и квалификации социальных процессов и отношений, определения источников и режимов юридической организации практик социального общения. Каждая правовая система воспроизводит себя в нормативной логике своего культурно-исторического контекста и метатекста. Словарь юридического языка правовой системы конкретной исторической эпохи включает в себе внутренние и внешние границы существования собственной правовой реальности, ее доктринальных и концептуальных определений, ее символов, ценностей и норм, это словарь формального языка (норм-дефиниций) и языка социокультуры (ценностей) в их взаимных отношениях и определениях.

В терминах и символах определенного юридического языка выражают себя эпохи исторического развития права. В результате изменений в системах юридических языков, их ценностно-символической, концептуальной и нормативной составляющих обнаруживают себя парадигмальные сдвиги в понимании метафизического смысла и практического назначения права, т. е. обнаруживают себя трансформации в юридических картинах мира, лежащих в основании права и определяющих его догматику и аксиоматику, что находит свое логическое и историческое продолжение в практиках правообразования, реализации и применения права.

Практики толкования права в его догматической и метафизической редакции — неперенные составляющие юридического процесса во всех формах его объективации. В этом плане интерпретации права образуют каркас юриспруденции — одновременно и как эмпирической, и как теоретической дисциплины. История становления и развития классической римской юриспруденции является, по существу, историей развития и совершенствования разнообразных техник интерпретации частного и публичного права (*jus civile*, *jus gentium*, *jus italicum*, *jus latii*), осуществляемой на различных этажах социальной структуры римского общества и в различных аспектах общения граждан и неграждан.

Право составляет общий объект теории и практики интерпретации — правовой догматики и правовой герменевтики. Каждая из них располагает своим предметом, подходами и рабочей аналитикой. Право как объект формального толкования (догматика) и понимания (герменевтика) получает отражение в системе формальных определений и социокультурных представлений о должном или недолжном в практи-

ках социального общения, образующих содержание юридической картины мира. В этом смысле юридическая картина мира по определению и нормативная, и социокультурная категория.

Юридическая картина мира является активным компонентом процесса правообразования и воспроизводства права. Ее отображение в системе правовых норм и институтов (юридических конструкций) и правовых представлений и ценностей (юридических концептов) связано с использованием различных юридических языков: языков — юридических институтов и языков их оценки на предмет соответствия или несоответствия признанным социокультурной стандартам социального общения. Между ними существует предметная и функциональная связь. Юридический язык не только отражает и оценивает правовую реальность, но и формирует и производит ее, а самое главное — изменяет ее или консервирует. Правовая реальность такова, каков юридический язык рассуждения и определения правовой реальности.

Существование юридического языка привязано к циклам культурно-исторического развития. В этом смысле правовая догматика и правовая герменевтика как способы интерпретации — понимания, отношения и определения права составляют общий предмет культурно-исторической — когнитивной и институциональной юриспруденции.

Техники интерпретации права. Понимание права как комплексного (многосоставного, многоуровневого и многоаспектного) явления, категории и понятия — итог длительной и сложной культурно-исторической, институциональной и концептуальной эволюции. Это элемент практики становления и развития исторических систем социального общения, каждая из которых вырабатывает свое собственное право. Это элемент определенной социокультуры, существующей наряду с языком и религией. Это историческая категория с меняющимся содержанием и формой. Это универсальный способ человеческого существования, в основаниях и структуре которого сосуществуют базисные и надстроечные элементы.

Атрибутивные признаки права — формальная определенность, общеобязательность, принудительность — в итоге связаны и определяются его общим и фундаментальным качеством — реализуемостью его норм в практике юридической организации социальных отношений. И здесь имеют место два важных обстоятельства, связанных с пониманием и определением нормативных границ регулирования практик социального общения. Первое обстоятельство: социальное отношение, которое, прежде чем быть предметом правового регулирования, должно им стать. Процессы формальной позитивации — производная процессов социальной институционализации или превращения социальных интеракций из спорадических в систему устойчивых и воспроизводящихся связей, становящихся социальными институтами. Второе обстоятельство:

социальный институт — культурно-исторический феномен, в самом себе заключающий свое собственное внутреннее право, фиксирующее ценностно-нормативные рамки формально-правового регулирования.

В этом плане формальное право само является предметом социокультурных (антропологических и социологических) и юридических определений и квалификаций. Именно здесь и лежит разделительная линия между толкованием права, представленным системой нормативных правовых актов (законодательством), и герменевтикой права, определяющей логико-языковые феномены права в широком контексте ментальных и когнитивных, доктринальных и концептуальных оснований права. То есть предмет герменевтики права — это определение того, что есть право, а что не есть право в его универсальных и партикулярных нормативных формах социального общения в широком контексте юридических картин мира конкретных обществ конкретной исторической эпохи¹⁷.

Правовая реальность не сводится к нормам права. Техника интерпретации права не сводится к технике толкования нормативных правовых актов. Предмет интерпретации права — базовые составляющие его онтологии, а именно юридический язык, юридический дискурс и юридический текст в их взаимных отношениях.

Юридический текст — это не текст нормативных правовых актов. Поскольку он обладает свойством интертекстуальности, это нормативный текст внутри других культурных текстов, полученный на их пересечении.

Юридический дискурс — это не прием логических определений и формального конструирования правил, это система социальных и концептуальных практик воздействия на выбор вариантов поведения в определенных культурах социального общения. Юридический дискурс также обладает свойством интердискурсивности — это нормативный дискурс внутри других культурных дискурсов (этнических, религиозных), данный в их взаимодействии.

Юридический язык — это не словарь правовых терминов в составе синонимов, антонимов и омонимов.

Грамматическая и синтаксическая структура правовых правил¹⁸ и грамматика языка юридического порядка — не тождественные категории¹⁹. Юридический язык представляет собой универсальную форму нормативной коммуникации внутри социальных и культурных коммуникаций. В этом смысле право объективно заключено в самой системе социальных связей, внутри которых осуществляется социальный процесс как нормативный процесс.

Юридический язык — одновременно текущая и застывшая субстанция²⁰. В юридическом языке находят свое социокультурное и нормативное выражение исторические эпохи существования права. Проблема цикличности и преемственности в развитии юридического языка или проблема времени жизни юридического языка определенной исторической эпохи — актуальная тема и предмет теории права. Это проблемы борьбы и сосуществования старого и нового правосознания (и их юридических языков) в практиках социально-правового общения. Интерпретации наличного права являются формой пролонгации его действия в меняющемся культурно-историческом контексте.

Традиция формально-догматической разработки и толкования права является безусловной ценностью. Практики реализации и применения права связаны детально проработанной системой юридико-технических правил, приемов и способов его толкования. Эта форма интерпретации права образует юридическую инфраструктуру развития позитивного права с точки зрения как восполнения правовых пробелов и разрешения коллизий в процессах правового регулирования, так и формальной критики действующего правопорядка.

Положительные эффекты изучения логико-языковых феноменов права, разумеется, не снимают проблемы саморефлексии на предмет расширения оснований и форм интерпретации и понимания права. Герменевтика — один из возможных вариантов саморазвития теории и практики универсальных и исторических форм правовой коммуникации²¹. В отличие от формально-догматической версии толкования права, рассматривающей право в качестве логико-языкового феномена — системы аналитических

¹⁷ Несмотря на множество конкурирующих теорий происхождения, генезиса и развития права, проблема, что есть право в собственном смысле данного культурно-исторического явления и понятия, остается открытой. В этом аспекте понимания предмета и дисциплинарной структуры правовой герменевтики ее предмет и дисциплинарная структура открыты для дальнейшего развития. Дисциплинарный статус правовой герменевтики — метатеория права, ее предмет — метаправо или модусы проявления нормативно-должного в культурно-исторических практиках юридического существования от элементарных органических форм социальной нормативности к сложным правовым системам организации социальных отношений.

¹⁸ См.: Власенко Н. А. Язык права. Избранное. М., 2015.

¹⁹ См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.

²⁰ Язык позитивной юриспруденции застыл в системе понятий и конструкций, исключающих возможность выхода за рамки принятых, а фактически санкционированных самим научным сообществом догматических подходов и определений права. Язык права, несмотря на формальные констатации наличия в его структуре метаязыка, формального и практического языка, остается открытой темой и проблемой юридической науки (см.: Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 17—18).

²¹ См.: Тисельтон Э. Указ. соч.; Соболева М. Философская герменевтика: понятия и позиции. М., 2014.

практик и унифицированных правил и определений, правовая герменевтика видит право в качестве культурно-исторического феномена — системы дискурсивных практик и конкурирующих правоположений. Предмет правовой герменевтики — понимание смысла правовых коммуникаций в определенных социокультурных контекстах их осуществления и интерпретации²².

Существенное значение в становлении и развитии правовой герменевтики имеет *междисциплинарный контакт* с антропологией и социологией права, широко представленной французской, британской и немецкой классическими школами. Среди них в первую очередь следует выделить ряд базовых культурно-исторических парадигм — категорий понимания изменений в системах социальных коммуникаций традиционных и современных обществ:

предложенное *Фердинандом Тённисом* различие категорий «община» и «общество»²³;

структурный сдвиг в системах социального общения, обозначенный *Генри Мэйном* как переход от статуса к договору²⁴;

различие между приписываемым и достигнутым социальным статусом (аскриптивностью и функциональностью) *Макса Вебера*²⁵;

классическое определение органической и механической солидарности (нормативности) *Эмиля Дюркгейма*²⁶;

различие универсального и партикулярного модусов социальной организации *Талкотта Парсонса*²⁷;

определение трансформации форм социальных коммуникаций как перехода от нецивилизированных к цивилизованным сообществам *Норберта Элиаса*²⁸.

Это минимальная часть исторического и концептуального наследия, которое составляет классику и основание современной правовой герменевтики. Ее значение для понимания права фундаментально и объясняется одним простым фактом. Если для формально-догматической юриспруденции культурно-исторические основания права составляют среду его обитания, внешние рамочные условия толкования и применения права, то для правовой герменевтики культурно-исторический контекст формирования и репрезентации права заключен внутри права. Это смыслообразующая составляющая процессов институционализации и позитивации права. Ею определяются нормативное и концептуальное ядро наличной правовой системы, ее цивилизационная принадлежность, границы и возможности собственного исторического развития.

Онтология права лежит в его аксиологии и эпистемологии. Практики интерпретации и переинтерпретации позитивного права, представленные в герменевтической топике его понимания и определения, есть действительная и универсальная формы сосуществования различных правовых сообществ. Правовая герменевтика и правовой плюрализм — явления одного порядка.

Вклад теоретиков и практиков отечественной юриспруденции в проблематику толкования права составляет существенный элемент развития юридической науки. Ключевое место Е. В. Васильковского в разработке ее общетеоретических аспектов неоспоримо. Историографическое введение в основные течения в теории толкования права 1936 г. продолжает сохранять свое значение в общем корпусе юридических исследований данного и вечно актуального вопроса реальной жизни права в его исторической логике развития, применения и изучения. Несомненно, заслуживает внимания постановка вопроса междисциплинарного статуса догматической разработки законодательства «при помощи общих методов, используемых другими науками»²⁹. В этом смысле правовая герменевтика как субдисциплина составляет органичную часть культурно-исторической юриспруденции.

²² См.: Социокультурная антропология права: коллективная монография. СПб., 2015; Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014; Современная социология права: сб. тр. М., 2013;

²³ См.: Тённис Ф. Общность и общество. М., 2002.

²⁴ См.: Мэйн Г. Древний закон: его взаимосвязь с ранней историей общества и отношение к современным идеям. СПб., 1873.

²⁵ См.: Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.

²⁶ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

²⁷ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

²⁸ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1—2. М.; СПб., 2001.

²⁹ См.: Васильковский Е. В. Теория толкования гражданского права. Очерк методологии цивилистической догматики // Избранные работы польского периода. М., 2016. С. 510. Позиция является продолжением темы междисциплинарности правовых теорий: Кистяковский Б. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.

Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012.

Варламова Н. В. Правовые культуры: введение в сравнительное изучение // Вопросы правоведения. 2010. № 4.

- Варламова Н. В. Тип правопонимания как теоретическая парадигма интерпретации права // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008.
- Васьковский Е. В. Теория толкования гражданского права. Очерк методологии цивилистической догматики // Избранные работы польского периода. М., 2016.
- Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002.
- Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
- Власенко Н. А. Избранное. М., 2015.
- Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2015.
- Власенко Н. А. Язык права. Избранное. М., 2015.
- Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Гирц К. Интерпретация культур. М. 2004.
- Гримм Д. Соотношения между юридическим институтом и конкретным отношением // Сб. ст. по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Г. Ф. Шершеневича. М., 2005.
- Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983.
- Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.
- Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
- Десницкий А. Введение в библейскую экзегетику. М., 2011.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- Завадский А. В. К учению о толковании и применении гражданских законов. М., 2008.
- Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.
- Кистьяковский Б. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
- Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. СПб., 2015.
- Малиновская Н. В. Интерпретация в праве: монография. М., 2011.
- Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост) Феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. М., 2014.
- Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
- Муромцев С. А. Что такое догма права? М., 1885.
- Мэйнд Г. Древний закон: его взаимосвязь с ранней историей общества и отношение к современным идеям. СПб., 1873.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.
- Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2007.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002.
- Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М., 1913.
- Соболева М. Философская герменевтика: понятия и позиции. М., 2014.
- Современная социология права: сб. тр. М., 2013.
- Современное правопонимание: курс лекций. М., 2016.
- Социокультурная антропология права: коллективная монография. СПб., 2015.
- Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII века. Харьков, 1862.
- Сулов Б. В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6.
- Теория толкования гражданского права. Очерк методологии цивилистической догматики. Варшава, 1936.
- Тённис Ф. Общность и общество. М., 2002.
- Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011.
- Ученые записки Императорского Новороссийского университета. 1901. Т. 84.
- Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
- Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
- Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.
- Шпет Г. Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005.
- Эко У. От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1—2. М.; СПб., 2001.